

ПРЕДМЕТЫ РОСКОШИ В ЖИЗНИ МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ: КОРАЛЛ В СИМВОЛИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ЦЕННОСТНОЙ ОРИЕНТАЦИИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта № 14-18-00552 «Монгольские народы: исторический опыт трансформации кочевых сообществ Азии».

Рассматривается место коралла в символической и ценностной ориентации монгольских народов, в частности бурят, в ювелирном искусстве которых коралл занимает главные позиции. Анализируется символическое значение в кочевой культуре украшений в целом и коралла в частности. Представляет интерес проблема социального неравенства, выраженная в украшениях, через призму взглядов населения, местной власти и представителей буддийской церкви. Рассматриваются предполагаемые варианты доставки такого товара в Сибирь и Монголию.

Ключевые слова: коралл; украшения; стоимость; имитация; монгольские народы; торговые пути; ювелирное искусство.

Украшения занимали особое место в жизни кочевников Центральной Азии. Основное богатство кочевника – пять видов скота – было эфемерным в силу множества факторов, влиявших на количество скота. В любой момент богатч мог стать нищим, о чем свидетельствуют известные поговорки монгольских народов: «Богатство скотовода, что утренняя роса», «Богач – до первого бурана, богатырь – до первой пули». Поэтому при возможности кочевники старались покупать те предметы роскоши, которые могли продемонстрировать статус владельца и в то же время не быть помехой кочевому образу жизни. Особенности кочевого образа жизни предопределяли особенность локализации предметов роскоши в быту кочевника – это вооружение, дорогой скакун и конское снаряжение для мужчины и украшения для женщин.

Женские украшения в культуре кочевников Центральной Азии отличались многосоставностью и сложностью исполнения. Они украшали женщину буквально «с головы до ног» и общий вес полного комплекта украшений достигал нередко 40 кг. (например, у туркменок). Полный комплект украшений монгольских женщин также был тяжелым: в него входили головные, нагрудные, височно-нагрудные, шейные, поясные украшения, браслеты, кольца¹. Как правило, украшения изготавливали из любимого кочевниками металла, сравниваемого с лунным светом – серебра, и лишь у знати были украшения из золота.

Известно, что бурятское ювелирное мастерство было сконцентрировано в сфере художественной металлообработки – ювелиры прекрасно владели разными техниками ювелирнойковки по серебру и золоту. Умели монгольские и бурятские мастера-дарханы гранить ювелирный камень². В случае необходимости и при наличии материала монгольские мастера вытачивали бусины для украшений, шлифовали камень, придавая ему необходимую форму (например, в виде кабошонов, листиков, лепестков и др.). Демонстрируют это искусство драгоценные головные украшения женщин разных монгольских народов (ойратов, дариганга, халха, бурят и др.), хранящиеся сегодня в музеях Монголии. Такая работа выполнялась в мастерских при дацанах, где изготавливались костюмы для Цама, украшения для божеств.

В традиции ювелиров монгольского мира широко использовались полудрагоценные камни, которыми

инкрустировались ювелирные изделия. Среди ювелирных камней в повседневных украшениях женщин монгольского мира XIX – начала XX в. наиболее часто встречаются красный и розовый коралл, бирюза, янтарь, малахит. В более дорогих парадных украшениях знати встречаются лазурит, сердолик, гранат, берилл. Некоторые разновидности камней добывались в самой Монголии (топаз, раухтопаз, горный хрусталь, сердолик, халцедон, агат, гранат), так как многие месторождения располагались практически на поверхности земли.

Самым излюбленным камнем бурятских и монгольских мастеров был красный и розовый коралл. Белый коралл преимущественно шел на изготовление пуговиц. В украшениях бурят кораллов было так много, что нередко бурятские украшения называли *мар-жанными*, наравне с серебряными.

В монгольском мире повсеместно коралловые бусины называли *шурэ*. Термин *шурэ* в бурятской лексике стал нарицательным. Им стали называть широкий круг вещей, представляющих собой нанизанные предметы, – ожерелье, косточки на счетах. *Монсогор шурэ* – так называли материал для изготовления ожерелий – корольки. *Шурэ хубад*, *шурэ хубхан* – собир. «драгоценности» [5. С. 628]. Было известно также и другое название коралла и коралловых украшений – *маржан*, преимущественно распространенное у предбайкальских бурят.

Бытование в лексике монгольских народов этих двух терминов вызывает особый интерес, поскольку является, вероятно, свидетельством наличия разных каналов доставки этого камня на рынки Центральной Азии и Сибири.

Обратимся к первому обозначению коралла в монгольских языках *шурэн*. Происхождение термина *шурэ(н)*, по мнению Л. Лигети, восходит к монгольскому письменному *širu < bširu*, происходящему от тибетского *byi-ru/byu-ru* [6. С. 267], что подтверждают современные словари [7. С. 345]. Примечательно, что за кораллом, который в Монголию завозился из Китая, закрепилось не китайское название *shānhù*³, а тибетское *byi-ru/byu-ru* (чуру). Полагаем, что тибетское название стало известно еще до эпохи монгольских завоеваний, когда торгово-экономические связи в азиатском пространстве были довольно интенсивными.

В Центральную Азию и Китай вели несколько торговых маршрутов из Индии и Передней Азии, среди которых были Шелковый путь, Уйгурский путь, Кыргызский путь и др. [9. С. 256–268]. Коралл тогда, возможно, привозился в Тибет на продажу и с берегов Юго-Восточной Азии (Сиам, Бирма) и из Средиземноморья. Возможно также, что закрепление тибетского названия коралла в монгольской лексике обусловлено его высокой значимостью в тибетской медицине⁴.

Другое название коралла – *маржан* в бурятский язык пришло из арабского через тюркские языки. С арабского языка *مرجان* *murjan* переводится как коралл. В свою очередь, арабское *маржан* происходит из греческого *μαργαρον* – коралл [11]. Арабское название коралла стало наиболее известным: оно широко распространилось в Передней Азии, Центральной Азии, России. В этом значении *маржан* известен в тюркских и иранских языках, из которых в дальнейшем слово попало в монгольские языки наряду с *шурэ*. Из тюрко-монгольских языков слово *маржан* / *марьян* попало в лексику русских сибиряков.

В искусстве народов, проживающих на территории стран бывшей Средней Азии, коралл *маржан* использовали для вставок в украшения узбеки, туркмены, казахи, киргизы. В Самарканде в конце XIX в. большое распространение получили ожерелья из низкокoralлов, а продолговатые кораллы, имеющие отверстия в боковых частях для вдевания нитки и нанизывавшиеся поперек, назывались *каламиф-марджон* (перец-кораллы) [12. С. 205]. Широкая известность арабского названия коралла в пространстве Передней Азии, западной части Центральной Азии обусловлена тем, что основным местом промысла красного коралла с древности были Средиземное и Красное моря, где роговые кораллы росли в изобилии. Использование в ювелирном искусстве предбайкальских бурят красных кораллов, бытование его арабского названия свидетельствуют, что такой товар поставлялся в Восточную Сибирь из Передней Азии и даже Европы.

В XVII–XVIII вв. буряты вели торговлю с Китаем, Монголией и даже далеким Туркестаном. Устоявшиеся торговые отношения населения Байкальского региона и Туркестана ко времени появления русских фиксируются в документах служивых людей – отписках, челобитных. Через монголов и тувинцев буряты сбывали в Китай и Среднюю Азию меха, скот, получая оттуда взамен серебро, драгоценности, ткани, металлические изделия [13. С. 63–64]. Хотя посреднические функции монгольских феодалов были очень значимы в торговых отношениях бурят с другими народами, сами буряты в лице знати также принимали участие в торговых операциях. Об этом также свидетельствуют русские документы [Там же].

Бухарские купцы (торговцы-мусульмане) привозили в Монголию и Прибайкалье в числе предметов роскоши и кораллы. Кораллы на продажу / обмен привозили в виде готовых изделий – бус. Такие сведения содержатся в челобитной – описи имущества утраченного бухарцами около Тункинского острога в результате ограбления. Среди украденных предметов фигурирует «книге ширу ереке» – одна нить коралловых четок [14. С. 357].

С освоением русскими Сибири кораллы стали привозить в Сибирь и русские купцы. Полагаем, что в подарок монгольским ханам при установлении первых контактов русские отправили в числе ценных подарков и кораллы – «красные корольки». В наказной памяти от 1673 г. енисейского воеводы М.В. Приклонского енисейскому сыну боярскому Ивану Перфильеву, отправляемому с посольством к мунгальскому хану Очирою, пишется следующее: «...хану Очирою (очиру) были посланы в качестве даров десять аршин сукна вишневого кармазину, две камки отласы, двесте корольков красных, шесть юфтей кож телятинных; брату ево Батуру тайше: пять аршин сукна кармазину, двесте корольков...» [14. С. 245].

Местные купцы в XIX в., по сведениям Л. Линховойна, ездили за камнем и в Китай, и в Европу: «Камни приобретались у торговцев-бурят. Где доставали торговцы эти камни, сказать трудно. Одно мне известно, что был один купец Базаров, который ездил за шурэ (маржаны) в Италию, а другой – в Хухунор» [15. С. 207]. Коренное население Южной Сибири также приобретало коралл, следующий из Передней Азии. В.Я. Бутанаев пишет по этому поводу: «Кораллы покупались хакасами у татар, которые привозили их из Средней Азии» [16. С. 98].

По стоимости кораллы, главным образом небольшие, были доступны многим семьям со средним достатком: коралл в начале XIX в. по стоимости был дешевле, чем бирюза и малахит. Известно, что еще дешевле коралла был янтарь красного и желтого цветов⁵ – изделия из него после революции 1917 г. были самыми распространенными [18. С. 118]. Однако крупные бусины из коралла, которые были основным украшением серег и браслетов богатых женщин, головных уборов *даруулга*, *татуурга* женщин хори-бурят, цонголов, сартулов, хонгодоров и других групп бурят Забайкалья, стоили очень дорого. *Даруулга* и *татуурга* представляют собой корону, изготовленную из бересты, обшитую темным бархатом или парчой. Сверху нашивались в три ряда большие круглые и бочковидные бусины янтаря, коралла, лазурита. Центр головного убора украшался самой большой бусиной из красного или белого коралла, или янтаря. Г.Р. Галданова, описывая украшения закаменских бурят, отмечает, что из крупных кораллов, прикрепляемых на головной убор в количестве 40–50 штук, выделялись два-три коралла особо больших размеров, диаметр которых достигал 10 см [Там же. С. 127].

Согласно многочисленным сведениям стариков-информаторов одна крупная бусина коралла стоила как лошадь или корова. Исследователи конца XIX в. отмечают, что «серьги свахи, как и богатой женщины, состоят из больших и круглых моржанов», а большая коралловая бусина, сходная по размеру с крупной вишней, оценивалась в 30 руб. [19. С. 318]. Примерно в такую же сумму тогда оценивалась лошадь или корова. Такие цены на скот сохранялись и в начале XX в. Проводивший с 1895 по 1902 г. исследования юго-западного Забайкалья Г.М. Осокин пишет следующее: «Средняя цена местной рабочей лошади 20–30 рублей; коров же, смотря по качеству, от 15 до

40 рублей» [20. С. 77]. Тогда же головные коралловые украшения женщин-буряток стоили от 50 до 800 руб. Аналогичные сведения по стоимости кораллов в Южной Сибири предоставляет В.Я. Буганасев, отмечая, что хакасы отдавали за большую бусину вола или лошадь [16. С. 98].

Небольшие коралловые бусины использовались в инкрустации серебряных наконечников *шибэргэл* / *шиверлиг*, *хонтуул*, *боолто* и зажимов, височных украшений *даруулгын* *хишхэ*, наплечных украшений *мурэнэй гуу*, *эмэг*, нагрудных украшений – *гуу*, серег *хишхэ* / *суйхэ* и браслетов *угаабар*, *бугааг*, перстней и колец *гариха*, *бэнэлиг*, головных уборов *даруулга*, *татуррга*. Бурятские женщины носили на шее ожерелья из кораллов и янтаря. У женщин из зажиточных семей бурятской знати («лучших людей») число коралловых рядов в ожерелье достигало десяти, общая стоимость некоторых украшений доходила до 500 и 1 000 руб. [21. С. 267].

В гораздо больших количествах коралл в украшениях использовали предбайкальские буряты. Коралл был наиболее распространенным ювелирным камнем, использовавшимся предбайкальскими бурятами, украшения которых были в целом более скромными и дешевыми по сравнению с украшениями забайкальских бурят и монголов⁶. Коралловые бусины *маржааны*, помимо ожерелий, представлены в группе височных украшений *набига* – подвески длиной 20–50 см, составленной из пучка мелких коралловых бусин, заканчивающихся мелкими монетами и височно-нагрудном украшении *хишхэ* – *моор*. Существовали разновидности данного украшения (эхиритские буряты), основу которого также составляли круглая пластина с резным орнаментом или тонкие серебряные колечки разного диаметра, соединенные между собой в двух-трех местах. От них шли свободно спускающиеся коралловые низки, перехваченные одной или двумя кожаными перемычками [22. С. 15].

Превалирующие позиции коралла в ювелирном искусстве западных бурят, вероятно, обусловлены его сакральной значимостью, о чем говорит красный цвет, занимающий главные позиции в символической иерархии цветов в традиционном мировоззрении монгольских и тюркских народов и в частности бурят. С красным цветом у бурят ассоциируются понятия «душа», «жизнь». Красный цвет у монголов был символом жизни, красоты. В связи с этим определение *улаан* встречается в словосочетаниях, передающих идею жизни, например *улаан гол* – букв. «красная основа» / жизнь, где *улаан* не означает в целом цвет, а указывает на присутствие жизненной субстанции [23. С. 16]. Эти воззрения разделяли и тюрки Южной Сибири: хакасы, например, в комплексе украшений замужней женщины необходимым и особенно важным считали наличие коралловых серег «хос ызырҒа»⁷. Согласно поверьям хакасов женские уши не должны быть пустыми, ибо к кораллам притягивается душа [16. С. 98]. Использование красного полудрагоценного камня (коралла) при изготовлении украшений, надеваемых ниже пояса, считалось непозволительным [24. С. 179]. В буддийской религиозной традиции

коралл входил в число драгоценных жертвенных предметов, наряду с бирюзой, золотом и серебром, которые преподносят в дар земле в разных ритуальных практиках: при установлении *сэргэ* (коновязь), *субурганов* (буддийское мемориальное сооружение), возведении храмов.

В конце XIX – начале XX в. в центральной части Российской империи наблюдается закат ювелирного искусства с появлением множества ювелирных центров, которые изготавливали украшения не на заказ, а на продажу [25. С. 195]. На рынках появляется множество подделок, форма украшений также становится проще, поскольку уже не соответствует меняющейся одежде – она становится фабричной. Но на периферии империи, в частности у бурят, замена традиционной одежды на фабричную проходила неспешно. В основном менялась одежда у мужчин, женщины были более консервативны. Но если женская традиционная одежда сохраняла свои позиции, то от ношения массивных украшений многие женщины стали отказываться. Пренебрежение бурятскими женщинами обычаями предков вызывало негативную реакцию буддийской церкви.

Ширетуй Агинского дацана Доржи Данжинов считал необходимым поднять эту проблему в своих дидактических сочинениях. Он писал: «Нынче молодежь перестала уважать родителей, старших и старых, она потеряла стыд и страх, перестала считаться с прежними обычаями, изменила одежды. Женщины перестали носить старинные украшения, большинство ограничиваются только даруулга и суйхэ» [26. С. 112]. Д. Данжинов видит в этом знаки уже наступивших и грядущих бед для всего бурятского народа. Он считает, что из-за этого и климат стал хуже, позже приходит тепло, позже появляется трава, дожди перестали идти вовремя и сена от этого стало меньше. «Раньше уважали родителей и высших, носили старинные одежды и украшения – это служило защитой от бед и несчастных случаев. Поэтому мужчинам и женщинам подобает носить старинные одежды и украшения, следовать старинным добрым обычаям. Нельзя, чтобы женщины отказались от даруулга, боолта, суйхэ и шэбэргэл» [Там же]. Кроме того, нарушение старых степных обычаев во время замужества, по мысли автора, служит приметой того, что будущая жизнь молодых будет несчастливой, бедной и полна мучений, а соблюдение традиции ношения старинных украшений принесет благополучие, счастье и радость. Девушка, вышедшая замуж, обязана носить украшения до пятидесяти лет. А также надевать их всегда перед высокими гостями и нойонами.

Однако социальная неоднородность и имущественное расслоение бурятского общества ставили в неравные условия женщин богатых семей и бедняков, которые не могли позволить себе иметь весь комплект украшений. Бедняки были в состоянии приобрести однорядное ожерелье. Отсутствие в среде бедняков возможности иметь дорогие одежды и украшения дополнялось и запретами на их приобретение и ношение, сформулированными в «Новом постановлении о жизни, обычаях» в середине XIX в. [27. С. 98]. Нару-

шение этих запретов влекло за собой наказание. Обращаясь к молодежи ширетуй Агинского дацана, Д. Данжинов призывал к скромности в украшениях и одежде, «без претензий на большее, чего не надлежит иметь человеку по его социальному положению». Он писал, что «недостойно завидовать дорогим украшениям тех, кто богаче», ибо они заслужили свое богатство, делая щедрые подношения храмам и духовенству [26. С. 112–113].

Несмотря на это, даже самая бедная часть бурятского населения стремилась при любой возможности к приобретению серебряных и коралловых украшений. Эти сокровенные желания простых бурятских женщин отметил в свое время Г.М. Осокин, путешествуя по Забайкалью: «Прекрасная половина бурятского населения также кокетством, конечно, не отличается и если на что тратится, иногда из последних средств, то на свои коралловые и серебряные украшения, до которых они очень большие любительницы. Насколько велико желание приобрести себе такое украшение, видно из того, что некоторые бурятки годами собирают и копят положительно по копейкам деньги, достаточные для того, чтобы сделать или купить готовое коралловое или серебряное украшение» [20. С. 199].

Аналогичные сведения о стремлении бедняков к внешнему лоску отражены в записке тайши Баргузинской степной думы Сахара Хамнаева об образе жизни и хозяйстве баргузинских бурят, представленной генерал-губернатору Восточной Сибири в 1855 г. Тайша сетует на усилившуюся роскошь и щегольство среди бедных бурят, что мешает «радению к умножению» хлебопашества: «Иноходец, несмотря на свой бедный класс состояния, старается более об улучшении своего щегольства или наряда себе и своей жене, а не о разведении хозяйства или хлебопашества. Он с наступлением лета заботится, как бы уделить из своих 10 или 20 штук скота, в котором может быть и заключается все его состояние, одну или две коровы и продать оных купцам, что же он берет, тонкое сукно, плис или ващанку на шубу, ситцу на рубаху, дабы, платки, панки, шелку, кушаки, кунгурские сапоги и моржан для жены, продавши эти свои животные за недостатком денег, поэтому добавляет из вырученных им годовых своих приобретений, как то от масла, проданной шерсти, промыслов звериных и проч.» [28. С. 68].

Желая скрыть внешнее различие между богатыми и бедными, буддийский священнослужитель Д. Данжинов находил выход в отказе от дорогих и крупных украшений и выступает за архаизацию и стилизацию женских украшений. Тем самым он стремится формально уравнивать женщин в украшениях, чтобы бедные кочевники не указывали пальцами на золотые украшения богатых невест в такое тяжелое для господствующих классов время. Д. Данжинов наставляет сделать традицией недорогие и среднего размера украшения, которые легко можно было бы изготавливать из мягкого стекла и мелких кораллов [29. С. 103].

Таким образом, в конце XIX – начале XX в. происходит очередной этап изменения в ценностной и

символической ориентации в области ювелирного искусства. Массивные и многосоставные украшения уходят в прошлое, а идея замены полудрагоценных камней искусственными материалами поддерживается и на уровне буддийской церкви. Пожелание буддийских священнослужителей отражает тот факт, что для большей части покупателей особой разницы между натуральными и искусственными минералами не было (даже для современного покупателя, вооруженного знаниями, задача отличить натуральный камень от подделки будет трудноосуществимой). Серебро также могло быть низкопробным, представляя нередко сплав металлов с преобладанием не серебра, а меди, олова. Известно, что монгольские дархан-ювелиры усиливали цвет изделий из металла сочетанием с другими сплавами металлов, таких как томпак, латунь, дающих богатство цветовой гаммы [30]. Ценность для простого народа представляли магическая и эстетическая функции украшений. Поскольку костюмный комплекс богатых людей всегда отличался качеством материала и ценностью украшений, обыкновенно в среде состоятельных людей находились знатоки, понимавшие отличие между натуральными минералами и их подделкой. Богатые люди ценили и внешний вид украшений, заключавшийся в оригинальной форме, инкрустациях, узорах и декоративной отделке, выполняемой разными техниками ювелирного искусства – чернью, филигранью, гравировкой и др.

В конце XIX – начале XX в. в России, Центральной Азии на рынке ювелирных изделий все чаще встречаются фальшивые камни. Наводняют рынок и искусственные кораллы. Вместо настоящих кораллов стали использоваться их имитации, которые изготавливались из стекла и других материалов, состав которых зачастую неизвестен. Так, согласно архивным материалам по Баргузинской степной думе, *маржа-нами* называли «алые, крупные бусы из смолистого вещества, упругие, китайского изделия» [28. С. 229]. Вероятно, о тех же изделиях, которые покупали хакасы-бедняки, пишет и В.Я. Бутанаев: «неимущие хакасы приобретали у торговцев дешевый искусственный коралл (хуйга), отличавшийся от настоящего мягкой структурой и ярко-красным цветом» [16. С. 98]. Искусственным минералам, которые использовались в украшениях бурят, давали определение *хуурмаг*, *хуурамч* (монг.) – «ненастоящий», «искусственный».

Искусственные кораллы из мягкого, упругого материала, как уже говорилось выше, привозили из Китая. Кроме того, поддельные кораллы – бусины из стекла могли доставляться из других регионов. Известно, что в начале XX в. фальшивые камни массово использовались в ювелирных украшениях народов Средней Азии – они были как привозными, так и местного производства. Так, например, самаркандские мастера популярную бирюзу подделывали, заменяя ее голубым стеклом: они плавил на жестяном листе цветные стекла, в частности бутылочные, и умело сочетали такие вставки с другими камнями и стеклами [12. С. 107]. Следовательно, в Средней Азии в конце XIX – начале XX в. подделка ювелирного сырья была поставлена на широкую ногу, и этот реги-

он является одним из центров, откуда искусственные камни, наряду с натуральными, попадали в Сибирь и Монголию. Другим таким регионом в Российской империи был Урал, откуда могли доставляться не только драгоценные камни с уральских месторождений, но и их имитации, например имитации малахита.

Для мастеров-ювелиров покупать заготовки в виде корольков и бус было выгоднее и проще, чем обрабатывать сырье. Историко-этнографические материалы, воспоминания пожилых людей свидетельствуют, что бурятские мастера чаще работали с материалом заказчика, который предоставлял мастеру и серебро в виде монет и слитков (в XIX в. в ходу были китайские ланы), и материал для инкрустации (корольки либо бусы). В Российской империи огранкой драгоценных и полудрагоценных камней ювелиры не занимались даже там, где традиция инкрустации украшений камнями была более развитой и ассортимент самоцветов был намного шире – у татар Поволжья и Урала. «Драгоценные камни в готовом ограненном виде ювелиры покупали у уральских мастеров и гнезда к ним изготавливали уже исходя из их размеров и формы» [25. С. 193].

В XIX в. символическое значение украшений в кочевой культуре сохраняет свой высокий уровень бла-

годаря устойчивости традиционных представлений, связанных с символикой украшений, их важной функции как одного из маркеров социальной иерархии в обществе, устойчивости традиций кустарного ремесла в сфере ювелирного искусства кочевников. Притягательность украшений усиливается на фоне социального расслоения общества: ценностное значение украшений становится более важным и даже самая бедная часть населения всеми силами старается обзавестись украшениями, даже вопреки развитию своего хозяйства. Переход от кустарного производства ювелирных изделий к промышленному в конце XIX – начале XX в. привел к постепенному закату национальных видов ювелирного искусства в России. Массивные многосоставные серебряные украшения монгольских народов уходят в прошлое, сохраняясь, главным образом, в костюмном комплексе зажиточной части населения. У простого населения востребованными становятся коралловые ожерелья, небольшие серьги и перстни. С развитием промышленного производства ювелирных изделий, ориентированного не на индивидуальный заказ, а на продажу, начинается и массовое распространение фальшивых минералов, в том числе и коралла. Большая часть имитаций коралла поступает в Монголию и Сибирь из Китая.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ При рассмотрении головных уборов, а равно и одежды, бросается в глаза, что степень богатства материала и обилия украшений возрастала по мере продвижения с запада на восток и в соответствии с имущественным положением владельцев. Тот факт, что наиболее импозантные прически (как, например, у халха-монголов) и дорогие украшения, а равно и одежда, встречались у монголов, живших по соседству с Китаем, говорит сам за себя [1. С. 199].

² Каменное искусство в среде монгольских народов было известно еще со времени тюрков. Однако большого распространения искусство вырезания из камня в Монголии не получило [2. С. 89]. Среди монгольских мастеров было множество искусных резчиков по дереву, которые без труда работали и по другому материалу – резали по кости, камню, янтарю [3. С. 6]. Существует множество прекрасных образцов из камня, сделанных монгольскими мастерами. Самые известные и распространенные в быту простых кочевников изделия из камня – табакерки, искусно вырезанные из халцедона, нефрита, агата. Под влиянием китайской культуры у монголов сложилось особое отношение к белому нефриту. Табакерка из этого камня, увенчанная крышечкой из красного коралла, наряду с курительной трубкой с мундштуком из белого нефрита становилась предметом особой гордости ее владельца. Но поскольку белого нефрита в Монголии не было, такие табакерки часто изготавливали из халцедона. «Внешне он был похож на белый нефрит и выдавался в поделках за него, но изготавливать из него табакерки было чрезвычайно трудно из-за большой твердости и хрупкости камня» [4. С. 35]. Очевидно, что монгольские каменеры обладали большим мастерством, если их изделия, выполненные из такого «неудобного» материала, не уступали по красоте изделиям китайских мастеров.

³ Коралл по-китайски – 珊瑚 shānhú [8. С. 777], вместе с кандзи этот термин распространился в ряде стран Юго-Восточной Азии – в Корею (sanho), Вьетнам (sanho), Японию (sango), но не утвердился в монгольском языке.

⁴ Коралл издавна использовали в тибетской медицине. Среди красных кораллов для медицинских целей самым лучшим считался розовый. Коралл излечивал жар печени и сосудов; жар, вызванный ядом [10. С. 20]. В тибетских медицинских трактатах отмечается, что в лечебной практике ценятся японские кораллы, предпочтение отдается красным кораллам из старинных украшений.

⁵ Вполне возможно, что некоторые янтарные изделия (желтые, оранжевые непрозрачные разновидности) также причислялись к кораллам. Так, житель Верхоленской степной думы Хадальшей Харюханов, описывая имущество своей дочери, оставшееся у ее мужа, перечисляет в его составе и «200 штук желтых маржаков» [17. С. 369].

⁶ В традиционном ювелирном искусстве западных бурят в начале XX в. все еще сохраняют значимость металлы, обладавшие высоким семантическим статусом – олово, железо, которые широко использовали в качестве украшений: эти металлы выступали в качестве основы, которая сверху покрывалась серебром.

⁷ Серьги изготавливались из медной проволоки, изогнутой вверх в виде кольца. На нижнюю часть нанизывались три коралловых бусины «суру», между которыми вставлялись маленькие бусины [16. С. 98].

ЛИТЕРАТУРА

1. Вяткина К.В. Монголы МНР (материалы историко-этнографической экспедиции АН СССР и Комитета наук МНР 1948–1949 гг.) // Восточно-Азиатский этнографический сборник. М. ; Л. : Наука, 1960. С. 159–269.
2. Цултэм Н.-О. Искусство Монголии с древнейших времен до начала XX века. М. : Изобразительное искусство, 1984. 232 с.
3. Цултэм Н.-О. Декоративно-прикладное искусство Монголии. Улан-Батор : Госиздатство, 1987. 16 с., 136 цв. ил.
4. Липовский Ю.О. В Хангай за огненным камнем. Л. : Наука, 1987. 191 с.
5. Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь : в 2 т. Т. II: О–Я. Улан-Удэ : Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2010. 708 с.
6. Ligeti L. Mongolos jövevenyszavaink kebdese // Nyelvtudományi közlemények. A Magyar Tudományos Akadémia Nyelvtudományi Bizottságának Megbízásából Budapest, 1935.
7. Краткий тибетско-русский словарь / сост. Б.В. Семичев, Ю.М. Парфионович, Б.Д. Дандарон. М. : ГИИИИ, 1963. 584 с.
8. Китайско-русский словарь. Шанхай, Шанхайский институт иностранных языков : Изд-во Шаньу Иньшугуань [上海外语教育出版社, 上海], 1992. 1279 с.

9. Лубо-Лесниченко Е.И. Китай на Шелковом пути. Шелк и внешние связи древнего и раннесредневекового Китая. М. : Вост. лит., 1994. 326 с.
10. Дзэйцхар-мигчжан. Монголо-тибетский источник по истории культуры и традиционной медицины XIX в. / пер., пред., прим., глоссарии Ю.Ж. Жабон. Улан-Удэ : Республиканская типография, 2011. 220 с.
11. Арабско-английский словарь на «М» // Лексиконы языков мира. URL: <http://www.lexicons.ru/modern/a/arabic/ar-en-m.html>, свободный (дата обращения: 05.03.2016).
12. Сухарева О.А. История Среднеазиатского костюма. Самарканд (вторая половина XIX – начало XX в.). М. : Наука, 1982. 140 с.
13. История Бурят-Монгольской АССР. 2-е изд., испр., доп. Улан-Удэ : Бурят.-Монгол. книж. изд-во, 1954. Т. I. 495 с.
14. Сборник документов по истории Бурятии. XVII в. / сост. Г.Н. Румянцев, С.Б. Окунь. Улан-Удэ, 1960. Вып. I. 493 с.
15. Линховоин Л. Лодон багшын дэбтэрхээ. Улан-Удэ : Буряад-монгол ном, 2012. 384 с.
16. Бутанаев В.Я. Традиционная культура и быт хакасов : пособие для учителей. Абакан : Хакас. книж. изд-во, 1996. 224 с.
17. Жамбалова С.Г. Профанный и сакральный миры ольхонских бурят (XIX–XX вв.). Новосибирск : Наука, 2000. 400 с.
18. Галданова Г.Р. Закаменские буряты. Историко-этнографические очерки (Вторая половина XIX – первая половина XX в.). Новосибирск : Наука, 1992. 172 с.
19. Островских П.Е. Этнографические заметки о тюрках Минусинского края (отчет о поездке 1894 г.) // Живая старина. 1895. Вып. 3–4. СПб. : Тип. С.Н. Худекова, 1895. С. 297–348.
20. Осокин Г.М. На границе Монголии. Очерки и материалы к этнографии юго-западного Забайкалья. СПб. : Тип. А.С. Суворина, 1906. 304 с.
21. Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение: этнографические и статистические исследования с приложением статистических таблиц. СПб. : Издание И.М. Сибирякова (Типография И.Н. Скороходова), 1891. 308 с.
22. Банаева В.А. Женские украшения предбайкальских бурят // Известия Российского Государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2010. Вып. 124. С. 13–20.
23. Галданова Г.Р. Доламаистские верования бурят. Новосибирск : Наука, 1987. 114 с.
24. Калмыки / отв. ред. Э.П. Бакаева, Н.Л. Жуковская. М. : Наука, 2010. 568 с.
25. Суслова С.В., Мухамедова Р.Г. Народный костюм татар Поволжья и Урала (середина XIX – начало XX вв.). Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань : Фэн, 2000. 312 с.
26. Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX века. Структура и социальная роль культовой системы / Галданова Г.Р., Герасимова К.М., Дашиев Д.Б., Митупов Г.Ц. Новосибирск : Наука, 1983. 235 с.
27. Бадмаева Р.Д. Бурятский народный костюм. Улан-Удэ : Бурят. книж. изд-во, 1987. 142 с.
28. История Баргузинской степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1824–1903 гг.): [сб. документов, перечень документов] / авт.-сост. Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас. Иркутск : Оттиск, 2012. 351 с.
29. Уржанов А.Д. Дидактические трактаты Д.Ж. Данжинова о свадебном обряде бурят конца XIX в. // Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Улан-Удэ : Изд-во БФ СО АН СССР, 1970. Вып. V. С. 100–104.
30. Сонин Б. Монгольское народное искусство художественной обработки металлов. URL: <http://www.legendtour.ru/rus/mongolia/informations/metal-processing.shtml>, свободный (дата обращения: 05.03.2016).

Статья представлена научной редакцией «История» 24 апреля 2016 г.

LUXURY GOODS IN THE LIFE OF THE MONGOLIAN PEOPLES: CORAL IN THE SYMBOLIC AND VALUE ORIENTATIONS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 412, 114–120.

DOI: 10.17223/15617793/412/19

Marina M. Sodnompilova, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: sodnompilova@yandex.ru

Bair Z. Nanzatov, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: nanzatov@yandex.ru

Keywords: coral; jewelry; value; imitation; Mongolian peoples; trade routes; jewelry art.

The article considers the place of coral in the symbolic and value orientation of the Mongolian peoples, Buryats in particular, in whose jewelry art coral occupies dominant positions. Lexical denotations of coral in the Mongolian languages, “shure” and “marzhany” allow outlining a number of assumed trade routes via which this commodity was transported to Mongolia and South Siberia from the Mediterranean and Southeast Asia. The symbolic meaning of coral was great. This was explained by the positive symbolism of red color in the Mongolian culture. A positive image of coral in the Buddhist religion is also present. Coral is included into sacred sacrifices for spirits of the earth and is a necessary item in Buddhist rituals. The authority of the Tibetan medicine is also very important. Tibetan medicine considered coral a valuable medicine. Cisbaikalian Buryats used coral in large numbers in their jewelry. The problem of social inequality among the population of Transbaikalia expressed through the prism of jewelry and the view of the local population, authorities and Buddhist clergy is also of high interest. The price on corals was very high. Large corals decorating female headwear cost a horse or an ox. The number of coral decorations of rich women reached ten and was priced at 1000 rubles. Nevertheless, coral decorations were purchased by different social layers since in the nomadic culture buying jewelry was some sort of investment. As archival materials of the Buryat Steppe Dumas and information of Siberia’s researchers show, poor people spent their last money on jewelry putting the development of their households at risk. Transfer to industrial manufacture of jewelry and changes in dress types contributed to the changes in jewelry fashion. Traditional heavy complex silver decorations gradually disappeared from everyday life of nomads. Women continued wearing earrings, “guu” chest decorations where they kept prayers and amulets, rings and bracelets. Though decorations became simpler, the interest to coral decorations did not disappear. This commodity was still highly sought by the population. Denial of traditional decorations stirred negative reaction of the Buddhist church. Buddhist hierarchs condemned the changes in Buryat national dress, but at the same time they supported sales of cheap decorations, thus supporting the spread of fake corals and other minerals. Natural valuable corals were largely replaced by their cheap imitations from China.

REFERENCES

1. Viatkina, K.V. (1960) Mongoly MNR (materialy istoriko-etnograficheskoy ekspeditsii AN SSSR i Komiteta nauk MNR 1948–1949 gg.) [Mongols of MPR (materials of historical and ethnographic expedition of Academy of Sciences of USSR and Committee of Sciences of Mongolian Peoples’ republic in 1948–1949)]. In: Vil’chevskiy, O.L. (ed.) *Vostochno-aziatskii etnograficheskii sbornik* [East Asian ethnographic digest]. Moscow; Leningrad: Nauka.

2. Tsultem, N.-O. (1984) *Iskusstvo Mongolii s drevneyshikh vremen do nachala XX veka* [Art of Mongolia from ancient times till beginning of the 20th century]. Moscow: Izobrazitel'noe iskusstvo.
3. Tsultem, N.-O. (1987) *Dekorativno-prikladnoe iskusstvo Mongolii* [Arts and crafts of Mongolia]. Ulan-Bator: Gosizdatel'stvo.
4. Lipovskiy, Yu.O. (1987) *V Khangay za ognennym kamnem* [To Khangai for the fire stone]. Leningrad: Nauka
5. Shagdarov, L.D. & Cheremisov, K.M. (2010) *Buryaad-orod toli. Buryatsko-russkiy slovar': v 2 t.* [Buryat-Russian dictionary]. Vol. II. Ulan-Ude: Respublikanskaya tipografiya.
6. Ligeti, L. (1935) Mongolos jövevénysszavaink kebdese [Questions of linguistic borrowing in Mongolian]. In: *Nyelvtudományi közlemények. A Magyar Tudományos Akadémia Nyelvtudományi Bizottságának Megbízásából* [Linguistics. Works of Linguistic committee of Hungarian academy of sciences]. Budapest.
7. Semichev, B.V., Parfionovich, Yu.M. & Dandaron, B.D. (1963) *Kratkiy tibetsko-russkiy slovar'* [Short Tibetan-Russian dictionary]. Moscow: GIIIN.
8. Shanghai Institute of Foreign Languages. (1992) *Kitaisko-russkii slovar'* [Chinese-Russian dictionary]. Shanghai: Shanghai Institute of Foreign Languages.
9. Lubo-Lesnichenko, E.I. (1994) *Kitai na Shelkovom puti. Shelk i vneshnii svyazi drevnego i rannesrednevekovogo Kitaia* [China on the Silk Road. Silk and foreign connections of ancient and early medieval China]. Moscow: Vostochnaya literatura.
10. Zhabon, Yu.Zh. (ed.) (2011) *Dzeitskhar-migchzhan. Mongolo-tibetskii istochnik po istorii kul'tury i traditsionnoi meditsiny XIX v.* [Dzitskhar-migchzhan. Mongolian and Tibetan source in culture and traditional medicine history]. Translated by Yu. Zhabon. Ulan-Ude: Respublikanskaya tipografiya.
11. Lexicons of world languages. (n.d.) *Arabsko-angliiskii slovar' na "M"* [Arabian-Russian dictionary on "M"]. [Online] Available from: <http://www.lexicons.ru/modern/a/arabic/ar-en-m.html>.
12. Sukhareva, O.A. (1982) *Istoriya Sredneaziatskogo kostyuma. Samarkand (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [History of the Central Asian costume. Samarkand (second half of the 19th – early 20th centuries)]. Moscow: Nauka.
13. Khaptaev, P.T. et al. (eds) (1954) *Istoriia Buryat-Mongol'skoi ASSR* [History of the Buryat-Mongol ASSR]. Vol. I. Ulan-Ude: Buryatsko-Mongol'skoe knizhnoe izdatel'stvo.
14. Rumyantsev, G.N. & Okun', S.B. (1960) *Sbornik dokumentov po istorii Buryatii. XVII v.* [Collection of documents on the history of Buryatia in the 17th century]. Ulan-Ude: [s.n.].
15. Linkhovoin, L. (2012) *Lodon bagshyn debterhee* [From notebooks of teacher Lodon]. Ulan-Ude: Buryatsko-Mongol'skoe knizhnoe izdatel'stvo.
16. Butanaev, V.Ya. (1996) *Traditsionnaya kul'tura i byt khakasov* [Traditional culture and life of Khakasses]. Abakan: Khakasskoe knizhnoe izdatel'stvo.
17. Zhambalova, S.G. (2000) *Profannyi i sakral'nyy miry ol'khonskikh buriat (XIX–XX vv.)* [Profane and sacred worlds of the Buryats of Olkhon region]. Novosibirsk: Nauka.
18. Galdanova, G.R. (1992) *Zakamenskii buriaty. Istoriko-etnograficheskie ocherki (Vtoraya polovina XIX – pervaya polovina XX v.)* [Buryats of Zakamensk region. Historical and ethnographic essays (Second half of the 19th – first half of the 20th centuries)]. Novosibirsk: Nauka.
19. Ostrovskikh, P.E. (1895) *Etnograficheskie zametki o tyurkakh Minusinskogo kraia (otchet o poezdke 1894 g.)* [Ethnographic sketches about the Turkic peoples of Minusinsk region (report of the 1894 trip)]. *Zhivaya starina*. 3–4. pp. 297–348.
20. Osokin, G.M. (1906) *Na granitse Mongolii. Ocherki i materialy k etnografii yugo-zapadnogo Zabaikal'ya* [On the Mongolian border. Essays and materials for the ethnography of South-West Transbaikalia]. St. Petersburg: Tipografiya A.S. Suvorina.
21. Yadrintsev, N.M. (1891) *Sibirskie inorodtsy, ikh byt i sovremennoe polozhenie: etnograficheskie i statisticheskie issledovaniia s prilozheniem statisticheskikh tablits* [Siberian foreign peoples, their life and contemporary being: ethnographic and statistic research with statistical tables] Saint-Petersburg: Tipografiya I.N. Skorokhodova.
22. Banaeva, V.A. (2010) *Zhenskiiye ukrasheniya predbaikal'skikh buriat* [Women's jewelry of the West Baikal Buryats]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Sciences*. 124. pp. 13–20.
23. Galdanova, G.R. (1987) *Dolamaistskie verovaniya buriat* [Buryat beliefs before Lamaism]. Novosibirsk: Nauka.
24. Bakaeva, E.P. & Zhukovskaya, N.L. (eds) (2010) *Kalmyki* [The Kalmyks]. Moscow: Nauka.
25. Suslova, S.V. & Mukhamedova, R.G. (2000) *Narodnyi kostyum tatar Povolzh'ya i Urala (seredina XIX – nachalo XX vv.). Istoriko-etnograficheskiy atlas tatarskogo naroda* [National costume of the Volga region Tatars (middle of the 19th – early 20th centuries). Historical and ethnographic atlas of the Tatar people]. Kazan: Fen.
26. Galdanova, G.R., Gerasimova, K.M., Dashiev, D.B. & Mityov, G.Ts. (1983) *Lamaizm v Buryatii XVIII – nachalo XX veka. Struktura i sotsial'naya rol' kul'tovoy sistemy* [Lamaism in Buryatia in the 18th – early 20th centuries. Structure and social role of the cult system]. Novosibirsk: Nauka.
27. Badmaeva, R.D. (1987) *Buriatskiy narodnyy kostyum* [Buryat national costume]. - Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo.
28. Zhaltsanova, B.Ts. & Kuras, L.V. (2012) *Istoriya Barguzinskoy stepnoy dумы v dokumentakh Gosudarstvennogo arkhiva Respubliki Buriatiya (1824 – 1903 gg.)* [History of the Barguzin Steppe Duma in the documents of the State Archive of the Republic of Buryatia (1824 – 1903)]. Irkutsk: Ottisk.
29. Urzhanov, A.D. (1970) *Didakticheskie traktaty D.Zh. Danzhinova o svadebnom obryade buriat kontsa XIX v.* [Didactic treatises by D.Zh. Danzhinov about wedding rituals of the end of the 19th century]. In: Lubsanov, D.D. et al. (eds) *Materialy po istorii i filologii Tsentral'noy Azii* [Materials on the history and philology of Central Asia]. Vol. V. Ulan-Ude: BB SB USSR AS.
30. Sonin, B. (2013) *Mongol'skoe narodnoe iskusstvo khudozhestvennoy obrabotki metallov* [Mongolian national art of the artistic processing of metals]. [Online] Available from: <https://legendtour.ru/rus/mongolia/informations/metal-processing.shtml>. (Accessed: 5th March 2016).

Received: 24 April 2016